

Диалог гомункула с его создателем: стилистические особенности вариантов перевода VI главы «Собачьего сердца» на итальянский язык

В статье исследуются лингво-стилистические и прагматико-коммуникативные особенности перевода на итальянский язык повести М.А. Булгакова «Собачье сердце». Сопоставительно рассматриваются семь переводов, опубликованных с 1967 по 2011 год авторитетными итальянскими издательствами. Анализ концентрируется на шестой главе произведения, где разворачивается первый настоящий диалог между Шариковым и Преображенским, отражающий языковые преобразования в новом коммунистическом мире. Особое внимание уделяется тем переводческим приемам, которые способствуют передаче сложной антиномической метафорики булгаковского текста. Результаты исследования показывают оригинальность подхода к тексту некоторых итальянских переводчиков и уникальность их вклада в историю распространения русской литературы в Италии.

In this paper, the linguistic-stylistic and pragmatic-communicative peculiarities of the translation into Italian of Bulgakov's *Heart of a Dog* are analyzed. Seven translations published between 1967 and 2011 by eminent Italian publishing houses are examined in a contrastive manner. The analysis concentrates on the sixth chapter of the work, in which the first real dialogue between Sharikov and Preobrazhensky takes place, and which reflects the linguistic changes in the construction of the new communist world. Particular attention is paid to those translational techniques used which attempt to render the complex metaphoric structure of Bulgakov's text in Italian. The results of the research highlight the originality of the approach to the text in some Italian versions of *Heart of a Dog* and the importance of their contribution to the spread of Russian literature in Italy.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: М. А. Булгаков, «Собачье сердце», переводы «Собачьего сердца» на итальянский язык, издания «Собачьего сердца» в Италии, издательство *Giulio Einaudi editore*, издательство *De Donato*, издательство *Feltrinelli Editore*.

KEYWORDS: M. A. Bulgakov, *Heart of a Dog*, Italian Versions of *Heart of a Dog*, Italian Editions of *Heart of a Dog*, publisher *De Donato*, publisher *Giulio Einaudi editore*, publisher *Feltrinelli Editore*.

Издания и переводы «Собачьего сердца» в Италии

История написания и публикации ряда произведений Булгакова, как известно, довольно сложна. С этим фактом связано множество текстологических проблем, которые до сегодняшнего дня не решены окончательно. Это непосредственно касается и текста «Собачьего сердца» [Тюрина 2007, 2013]. Повесть стала широко известна на Западе начиная со второй половины 1960-х годов, когда в среде западных русистов циркулировало несколько ее неавторизованных машинописных копий. Она сразу же привлекла внимание издателей в разных странах. Итальянский перевод, вышедший первым изданием в октябре, а вторым — в ноябре 1967 года в городе Бари, в издательстве *De Donato*¹, на несколько месяцев опередил первую публикацию на русском языке в тамиздате². Его автором была Мария Олсуфьева³. В 1967 году она также перевела для *De Donato* роман «Мастер и Маргарита» и повесть «Роковые яйца»⁴.

Сегодня в нашем распоряжении 11 переводов «Собачьего сердца» на итальянский язык, последний из которых относится к 2011 году. Для своего анализа мы выбрали семь наиболее авторитетных из них, опубликованных с 1967 по 2011 год известными издательствами и с тех пор неоднократно переиздававшихся. В табл. 1 для каждого из них указаны год первого издания, переводчик, город и издательство.

	Первое издание, год	Автор перевода	Место издания	Издательство
А	1967	Maria Olsoufieva	Bari	De Donato ⁵
Б	1970	Clara Coïsson	Torino	Giulio Einaudi Editori ⁶
В	1975	Viveka Melander	Roma	Newton Compton ⁷
Г	1975	Giovanni Crino	Milano	Rizzoli ⁸
Д	1990	Emanuela Guercetti	Milano	Garzanti ⁹
Е	1993	Nadia Cicognini	Milano	Mondadori ¹⁰
Ж	2011	Serena Prina	Milano	Feltrinelli ¹¹

Относительно большое число переводов «Собачьего сердца», увидевших свет в Италии с конца 1960-х годов, свидетельствует об актуальности идейного содержания и интересе к художественной манере писателя у итальянских читателей¹². Хронологическое распределение указанных вариантов позволит нам уловить возможные изменения в интерпретации текста, эволюцию приемов и в конечном итоге лучше судить о достоинстве отдельных переводов.

Тема перевода повести «Собачье сердце» в науке разработана достаточно подробно (что касается итальянского языка, см., например, [Фокина]). Трудность прагматико-коммуникативной адаптации текста определяют два тесно между собой переплетенных фактора. С одной стороны, «карнавальный» принцип, на котором строится лингво-стилистическая и образно-метафорическая структура повести, определяет амбивалентный характер юмора в тексте и существенно осложняет его выражение на иностранном языке. С другой, насыщенность текста историко-бытовыми реалиями представляет собой особую переводческую проблему, которая, как мы увидим, решается разными способами в зависимости от степени известности этих реалий в итальянской культуре.

Мы проанализируем фрагменты разных переводов с русского на итальянский шестой главы повести. В одном особом случае мы сошлемся и на сценарий фильма Альберто Латтуады, знаменитого итальянского режиссера, чья экранизация повести Булгакова вышла в 1976 году¹³.

Анализ переводов

После успешной пересадки человеческих органов бедному бездомному псу повседневная жизнь в квартире профессора превращается в настоящий ад. Новое существо не воспринимает разнообразные попытки «образования», предпринимаемые профессором Преображенским. Более удачными оказываются попытки «приручить» его со стороны советской власти, которую представляет активный домком и его председатель Швондер. Показательным в этом отношении является первый диалог гомункула с его создателем в начале шестой главы повести. После превращения из собаки в существо, наделенное даром речи, неочеловек требует «документ», удостоверение, т. е. признания себя не только личностью, но и гражданином нового мира.

До этого в повести описывается возникновение и развитие речевой деятельности нового человека, т. е. формирование его языковой личности [Тишкина: 219–220]. Первое ее проявление зафиксировано в послеоперационном дневнике доктора Борменталья (в главе пятой). Ассистент профессора записывает первое слово, произнесенное подопытным животным: «А-б-ыр», «Абыр-валг», т. е. «Главрыба», что интерпретируется как яркое свидетельство того, что собака умеет читать. Тем не менее в течение нескольких дней после операции лексический багаж гомункула растет, выявляя генетическую связь с донором гипофиза Климом Чугункиным. Пациент как будто наследует языковую память от него — балалаечника, уголовника и пьяницы, многократно судимого. Действительно, уже на раннем этапе своего развития речь пациента полна грубых просторечий. Они разбавлены бюрократически-идеологическими клише русского языка послереволюционного периода.

В то время как в пятой главе доктор Борменталь скрупулезно записывает в послеоперационном дневнике «лингвистический» прогресс пациента, в следующей главе письменная и устная речь персонажей играет совершенно особую роль. Особая форма домашнего общения при помощи записок запечатлела взволнованный диалог, внутри которого чередуются императивные указания профессора и его ассистента, а также встревоженные реплики прислуги. В этой забавной сценке выделяются дисгармония, раздражение и в конечном счете крайний беспорядок, царящий в квартире Преображенского.

С другой стороны, заметка Швондера, которую профессор находит в газете, является примером пропагандистского политического дискурса, для которого характерны идеологические штампы и искаженный синтаксис русского языка. В ней частично предвосхищается и речь самого Шарикова, говорящего короткими, часто эллиптическими, восклицательными или вопросительными фразами, наполненными просторечиями, часто без соблюдения морфосинтаксических норм.

После своеобразной вставки письменной речи в начале главы слово представляется в устной форме в диалоге Шарикова и Преображенского. Действительно, синтаксические конструкции, порядок слов и общий тон сцены носят отпечаток разговорного стиля, стремящегося передать сильный эмоциональный заряд реплик персонажей. В этом отношении описательно-комментативные части повествования также играют важную роль, подчеркивая контраст между разговорным регистром и нормой литературного языка. Резкие экспрессивные различия в речи героев проявляются не только на лексико-синтаксическом уровне, но и на ритмико-интонационном и образно-символическом. Таким образом, представленный в повести «новый» мир, так сказать, «лингвистически» строится на пересечении многочисленных образно-понятийных и семантико-звуковых противопоставлений, намекающих на карнавальное взаимопроникновение «старого» и «нового», «высокого» и «низкого», «серьезного» и «шуточного» начал.

Особенно эффективными являются те оппозиции, которые относятся к двум семантическим полям — животному и человеческому. В шестой главе семантическое поле *собаки* как будто сосредоточивается в просторечном восклицании *пес его знает*, приписываемом профессором голосу бывшего пса (« — <...> Кто ответил пациенту: „Пес его знает“? Что вы, в самом деле, в кабаке, что ли?»)¹⁴. Как известно, нарушения лингвистического этикета вызывают резкое неприятие Филиппа Филипповича, который упрекает гомункула за его «кабацкую» брань. Реплика имеет в первую очередь комический эффект, вызванный имплицитным противопоставлением слов *пес* и *бог* (просторечное выражение *пес его знает* имеет, как известно, более литературный аналог в форме *бог/черт его знает* [БАС: VI, 775]). Действительно, тема сотворения человека является одной из центральных в повести: с этой точки зрения выражение *пес его знает* имеет почти кощунственное значение.

В большинстве итальянских переводов выражение *pes ego знает* заменяется функциональным аналогом со словом *canè* («собака, пес») — лексемой, играющей смыслополагающую роль в контексте всего произведения.

Таблица 2

— ... Кто ответил пациенту: « <i>Pes ego знает</i> »? Что вы, в самом деле, в кабаке, что ли?	
А	— ... Chi è che ha detto a un paziente: <i>mondo cane</i> ? Siamo in una bettola, forse?
Б	— ... Chi è che ha risposto a uno dei pazienti: « <i>porco cane</i> »?! Ma dove crede di essere, in una bettola?
В	— ... E poi, chi è che ha detto a un paziente: <i>porco cane</i> ? Crede forse di trovarsi in una bettola?
Г	— ... Chi è che ha risposto a uno dei pazienti: « <i>porco cane</i> »? Insomma, credete d'essere in una bettola?
Д	— ... Chi ha risposto a un paziente « <i>che caspita ne so</i> »?! Dove crede di essere, all'osteria?
Е	— ... Chi è che ha risposto a uno dei pazienti: « <i>Porco cane!</i> »? Pensate forse di essere in una bettola?
Ж	— ... Chi ha risposto a un paziente « <i>Che cavolo ne sa</i> »? Pensa forse di essere in una bettola?»

В примерах Б, В, Г и Е просторечным восклицанием *porco cane* («свинская собака») удается сохранить стилиевой регистр и важную лексему. В переводе А, напротив, в разговорном выражении *mondo cane* («мир-собака») слово *canè* выступает в качестве слова-приложения, относящегося к неблагоприятному явлению. Нам кажется, что выбранная форма переключается с темой столкновения враждующих миров, проходящей через всю повесть, и представляется по этой причине более удачной, чем брань *porco cane*. Наконец, в примерах Д и Ж смысл русского выражения переводится итальянскими эквивалентами, принадлежащими к разговорному стилю, *che caspita ne so* («а что я знаю»), *che cavolo ne sa* («а что вы знаете»). Здесь совокупность значений, о которых шла речь выше, неизбежно теряется.

Кульминационным моментом шестой главы является выбор или скорее «создание» личного имени соискателем гражданства Нового мира. Антропоним — важное средство для формирования художественного образа у Булгакова.

Он играет центральную роль в семантико-стилистической структуре повести. Личные имена двух главных героев, Филипп Филиппович и Полиграф Полиграфович, отмечены ритмико-звуковым параллелизмом, повторением/аллитерацией в обратном порядке согласных звуков *ф-л-п/п-л-ф*.

Традиционным способом передачи русских имен на многих иностранных языках является транслитерация, именно она используется во всех переводах и в случае с профессором и гомункулом. По этому поводу можно отметить, что сохранение оригинальной пары имени-отчества в итальянском тексте способствует укреплению комического эффекта, вызванного механизмом повторения-аллитерации. Только в переводе Ж имя Полиграф Полиграфович сопровождается пояснительным комментарием в сноске, указывающим на «пародирование советского использования самых разных имен [точнее, новообразований. — А. М.] вместо имен из христианского календаря».

Но в случае фамилии профессора Преображенского (она тоже в переводах лишь транслитерируется) неизбежны потери в смысловом отношении, в частности, утрачивается двойная семантика, связанная, с одной стороны, с экспериментами омоложения светила хирургии, а с другой — с религиозным пластом текста.

Особый интерес представляют варианты перевода собачьей клички Шарик и фамилии Шариков. Как известно, в качестве собственной фамилии гомункул «согласен наследственную принять». Так собачья кличка превращается в антропоним: благодаря этому приему «животное» и «человеческое» начала перетекают одно в другое, создавая комический эффект.

Таблица 3

	Шарик	Шариков
А	Pallino	Pallini
Б	Šarik	Šarikov
В	Pallino	Pallini
Г	Pallino	Pallinov
Д	Šarik	Šarikov
Е	Pallino	Pallinov
Ж	Šarik	Šarikov

В переводах Б, Д и Ж кличка Шарик и фамилия Шариков транслитерируются (*Šarik, Šarikov*), как и в случаях с другими именами собственными в повести. Надо все-таки подчеркнуть, что на этот раз значение имени уже было объяснено в ходе повествования: вспомним, как в первой главе бездомный пес протестовал против неподходящей клички, приписанной ему сначала проходящей мимо барышней («„Шарик“ она назвала его! Какой он, к черту, Шарик? Шарик — это значит круглый, упитанный, глупый, овсянку жрет, сын знатных родителей, а он лохматый, долговязый и рваный, шляйка поджарая, бездомный пес»), а потом профессором и его горничной. Именно с этой точки зрения семантический ореол собачьей клички лучше передается в тех переводах, где ее эквивалентом является имя *Pallino*.

В итальянском языке слово *palla* («шар»), женского рода, имеет уменьшительную форму *pallina* («шарик»). Существующий вариант мужского рода *pallino* имеет ряд производных значений, например «идефикс, мания», а также «склонность, влечение к чему-нибудь» [Trecani]. Однако переводчица Мария Олсуфьева, первой использовавшая это имя, скорее всего, имела в виду его региональный, тосканский вариант (она выросла и жила во Флоренции). Действительно, в Тоскане *pallino* является формой ласкового обращения к мальчику (*pallino*) или к девочке (*pallina*). Но при обращении к взрослому слово принимает оскорбительно-ироничное значение и часто связано с угрозой или упреком [Trecani, VFC]. Интересно также отметить еще одно употребление слова *pallino* в словосочетании *Pinco Pallino* в качестве вымышленной формы имени-фамилии, указывающей на неизвестное или незначительное лицо («некто», в смысле «Вася Пупкин» или «Иван Иванович»). В этом выражении слово *pallino*, выступающее в качестве фамилии, сочетается с именем *pinco*, которое в тосканском диалекте обозначает мужской детородный орган и в переносном смысле — «простак, дурак» [Trecani]. Итак, семантический потенциал слова *pallino*, несомненно, оправдывает его употребление в контексте произведения Булгакова. Действительно, несмотря на региональный оттенок, имя продолжает употребляться в переводах булгаковской повести.

Что касается преобразования клички *Pallino* в «наследственную» фамилию, в переводах А и В используется характерный для итальянских фамилий суффикс *-i*, *Pallini*, в то время как в вариантах Г и Е предпочтение отдается русскому,

т. е. национально-специфическому суффиксу -ов, *Pallinov*. Надо еще отметить, что морфо-семантическая ценность приема трансформации собачьей клички Шарик в фамилию Шариков сохраняется в своей полноте только в сценарии Латтуады. В тексте сценария профессор, вызывая к себе собаку и предлагая ей колбасу, называет ее *Vobi*, т.е. популярной итальянской собачьей кличкой. В этот момент собака думает про себя: «*Vobi? ma Vobi è un nome borghese, mentre io sono figlio di nessuno, comunque lei è autorizzato a chiamarmi come crede*» («Боби? Боби — это буржуазное имя, а я ничей сын, но вы имеете право называть меня, как хотите»)¹⁵. При выборе соответствующей фамилии кличка *Vobi* становится *Vobikov*, т. е. употребляется русский суффикс, что и вполне оправдано национально-специфической обстановкой, воссозданной в фильме.

В карнавальном-комической организации текста важную роль играют и многочисленные лингвистические недоразумения, возникающие на основе неграмотности или просто крайней обидчивости Шарикова. В диалоге, в котором тревожные реплики увеличивают культурную дистанцию между говорящими, употребляются разные термины, взятые из бюрократического обихода, а чаще всего из разговорного языка, или просторечия. Здесь надо подчеркнуть, что низкий, а иногда и разговорный регистр русского языка очень трудно переводить на итальянский. Чаще всего для этого используют региональную лексику. К сожалению, это часто приводит к нейтрализации лингвостилистической многослойности и эмоциональной экспрессивности русских оригиналов.

Таблица 4

	— ... Ведь я же вам запрещал <i>шляться</i> по лестницам. — ... Как это так « <i>шляться</i> »?! Довольно обидны ваши слова! <i>Я хожу</i> , как все люди.
А	— ... <i>Le avevo pur proibito di gironzolare per le scale.</i> — ... <i>Come sarebbe a dire, gironzolare? Le sue parole mi sembrano piuttosto offensive. Io cammino, come tutti.</i>
Б	— ... <i>Eppure le avevo proibito di ciondolare per le scale.</i> — ... <i>Come sarebbe a dire “ciondolare”?! Le sue parole sono piuttosto offensive. Io cammino. Come tutti quanti.</i>
В	— ... <i>Eppure le avevo proibito di gironzolare per le scale.</i> — ... <i>Come sarebbe a dire, gironzolare? Le sue parole mi sembrano piuttosto offensive. Io cammino, come tutti.</i>

Г	— ... Io vi avevo proibito di <i>vagabondare</i> per le scale. — ... Cosa vuol dire « <i>vagabondare</i> »?! Queste vostre parole sono abbastanza offensive. Io <i>vado in giro</i> come tutti gli altri uomini. (97)
Д	— ... E sì che le ho proibito di <i>gironzolare</i> per le scale. — ... Come sarebbe a dire, “ <i>gironzolare</i> ”?! Le sue parole sono piuttosto offensive. Io <i>cammino</i> , come tutti.
Е	— ... Eppure vi avevo proibito di <i>razzolare</i> per le scale! — ... E poi come sarebbe a dire “ <i>razzolare</i> ”? Sono piuttosto offensive le vostre parole. Io me ne <i>vado in giro</i> , come tutti quanti.
Ж	— ... Le avevo ben proibito di <i>bighellonare</i> per le scale. — ... E come sarebbe a dire “ <i>bighellonare</i> ”? Le sue parole sono piuttosto offensive. Io <i>vado in giro</i> , come tutti gli altri uomini.

Противопоставлением глаголов *шляться/ходить* еще раз подчеркивается недостойное с точки зрения профессора поведение Шарикова и одновременно демонстрируется тривиальность идеи равенства, выраженной неочеловеком. *Шляться* переводится разными итальянскими глагольными формами, однако все они не свойственны просторечию. Что касается семантики термина, итальянский глагол *ciondolare* («качаться», «ходить здесь и там, ничего не делая») в переводе Б больше других приближается к значению русского глагола. Представляет интерес и перевод Е, в котором используется глагол *razzolare* («рыться, копать в земле»), являющийся функциональным по отношению к оппозиции *животное/человеческое*.

Рассмотрим теперь случай прилагательного *прелестный*. Этим эпитетом профессор с нескрываемой иронией награждает домкома.

Таблица 5

	— ... Итак, что говорит этот ваш <i>прелестный</i> домком? — Что ж ему говорить? Да вы напрасно его <i>прелестным</i> ругаете. Он интересы защищает.
А	— ... Sicché, cosa dice questo <i>delizioso</i> Comitato del Caseggiato? — Cosa vuol che dica ... Fa male a insultarlo dandogli del <i>delizioso</i> . ...
Б	— ... Dunque, che cosa dice quel suo <i>incantevole</i> comitato di caseggiato? — Cosa vuole che dica... Ma lei ha torto d'insultarlo, dandogli dell' <i>incantevole</i> . Difende gli interessi.
В	— ... Allora, che cosa dice il nostro <i>delizioso</i> Comitato degli Inquilini? — Cosa vuole che dica ... Fa male a insultarlo dandogli del « <i>delizioso</i> ». Difende gli interessi...

Г	— ... Così, cosa dice questo vostro <i>simpaticissimo</i> domkom? — Cosa volete che dica... E poi che ragione c'è di chiamarlo <i>simpaticissimo</i> ? Difende gli interessi.
Д	— ... Dunque, che cosa dice questo suo <i>grazioso</i> comitato? — E che cosa dovrebbe dire... E poi ha torto a insultarlo chiamandolo “ <i>grazioso</i> ”...
Е	— ... E allora che cosa dice il vostro <i>delizioso</i> Domkom? — Che volete che dica? E poi fate male ad insultarlo, chiamandolo <i>delizioso</i> ...
Ж	— ... Dunque, che dice questo suo <i>meraviglioso</i> domkom? — E che deve dire? E non c'è motivo che lo insulti chiamandolo <i>meraviglioso</i> .

Здесь Шариков правильно расценивает эпитет *прелестный* («исполненный прелести, очарования» [БАС: IXX, 645]) как насмешку¹⁶. В то же время нам кажется, что с точки зрения неочеловека прилагательное принадлежит чуждому буржуазному языковому регистру, далекому от политизированного, полного бюрократических штампов языка пролетария. Одним словом, оно отсылает к типу поведения, несоместимого, с точки зрения Шарикова, с образом действий домкома, который, по его словам, «защищает интересы». Что касается итальянских эквивалентов, прилагательное *incantevole* («очаровательный») в переводе Б больше других приближается к значению русского «прелестный». Однако, на наш взгляд, лучшим вариантом является в переводах А, В и Е эпитет *delizioso* («предоставляющий радость, наслаждение»), который лучше подчеркивает досаду и раздражение профессора по отношению к пролетарским соседям.

К неграмотности гомункула следует также отнести неправильное произношение и согласование аббревиатуры РСФСР (Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика).

Таблица 6

— ... Видно, только профессорам разрешается ругаться в <i>Pesefesere</i> .	
А	— ... A quanto pare, solo i professori sono autorizzati a dir parolacce nella <i>Repubblica Federale Russa</i> .
Б	— ... A quanto pare, soltanto i professori sono autorizzati ad insultare la gente nella <i>Repubblica sovietica federale russa</i> .
В	— ... A quanto pare, solo i professori sono autorizzati a dir parolacce nella <i>Repubblica Federale Russa</i> .

Г	— ... Nella <i>repubblica sovietica federale russa</i> , tirar moccoli non è mica permesso solo ai professori.
Д	— ... Si vede che solo ai professori è consentito insultare, nella <i>Repubblica russa</i> .
Е	— ... C'è da credere che solo ai professori è permesso bestemmiare e insultare tutti quanti nella <i>Repubblica sovietica russa federale</i> .
Ж	— ... Evidentemente nella <i>Erresseffesserre</i> è permesso imprecare solo ai professori.

Большинство переводчиков предпочитает дать полный и стилистически нейтральный вариант названия, отказываясь от аббревиатуры. Только в переводе Ж она сохраняется и транскрибируется с учетом итальянского произношения. Здесь переводчица вставляет и необходимую пояснительную сноску, указывающую на ее значение, но не на специфику употребления гомункулом.

Особенную сложность представляет перевод слов-реалий, т. е. слов и оборотов, обозначающих предметы, явления или понятия, характерные для быта и культуры определенного народа в определенную эпоху. От того, насколько хорошо знакомы с этими реалиями носители языка-реципиента, зависит успех адаптации этого лексического слоя. Среди многочисленных возможных примеров из «Собачьего сердца» упомянем случай противопоставления *сигара/папироса*, которым отмечено начало сцены, проанализированной нами: во всех итальянских переводах *папироса* передается словом *sigaretta*, что сильно ослабляет ярко выраженную в оригинальном тексте оппозицию «высокого/низкого».

Непростой является и адаптация ряда имен существительных, связанных с семантическим полем труда, как, к примеру, *трудоу элемент/труженник/нэпман*.

Таблица 7

	— Чьи интересы, позвольте осведомиться? — Известно чьи. <i>Трудового элемента</i> . <...> — Почему вы — <i>труженник</i> ? — Да уж известно, не <i>нэпман</i> .
А	— Di chi, se permette? — Si sa, dei <i>lavoratori</i> . <...> — E lei sarebbe un <i>lavoratore</i> ? — Si capisce, mica sono uno <i>speculatore della NEP</i> .
Б	— Gl'interessi di chi, se non sono indiscreto? — Questo lo sanno tutti, dei <i>lavoratori</i> . <...> — Perché lei sarebbe un <i>lavoratore</i> ? — Certo, non sono mica un <i>affarista della nep</i> .

В	— Di chi, se permette? Si sa, dei <i>lavoratori</i> . <...> — E lei sarebbe un <i>lavoratore</i> ? — Certo. Mica sono uno <i>speculatore della NEP</i> .
Г	— Quali interessi, se è lecito? — Si sa bene quali interessi, quelli dei <i>lavoratori</i> . <...> — E voi sareste un <i>lavoratore</i> ? — Beh, naturale, mica sono <i>uno della NEP</i> .
Д	— E quali interessi, se non sono indiscreto? — Si sa quali, della <i>classe lavoratrice</i> . <...> — Perché, lei sarebbe un <i>lavoratore</i> ? — Si sa, non sono mica un <i>affarista della NEP</i> .
Е	— Gli interessi di chi, se mi consentite?... — Si sa di chi. Dei <i>lavoratori</i> . <...> — E voi sareste un <i>lavoratore</i> ? — Be', certo, non sono mica <i>uno della NEP</i> .
Ж	— Gli interessi di chi, se mi è permesso chiederlo? — Si sa bene di chi. Dell'elemento <i>lavoratore</i> . <...> — Perché lei sarebbe un <i>lavoratore</i> ? — Be', quel che è certo è che non sono un <i>uomo della Nep</i> .

Хотя все итальянские эквиваленты достаточно ясны в силу известности исторического контекста повести, надо отметить потерю важных семантических нюансов. Например, только в переводе Д найдена убедительная замена *трудо­вому элементу*, *classe lavoratrice*, в то время как в остальных переводах (кроме седьмого примера, в котором словосочетание трудовой элемент переводится дословно) нет разницы между *трудо­вым элементом* (*lavoratori* — «трудящиеся») и *трудо­вым элементом* (*lavoratore* — «трудящийся»). Что касается термина *нэпман*, эквиваленты со словом *affarista* («аферист»), *speculatore* («спекулянт») в основном убедительны, а в случае перевода Ж употребляется словосочетание *uomo della Nep*, «человек нэпа», к которому, однако, прикреплен пояснительная сноска.

В заключение было бы уместно еще раз подчеркнуть важность интерпретации текста и анализа его экспрессивно-стилистических особенностей для перевода «Собачьего сердца». Исследование итальянских текстов повести показало уникальность подхода и оригинальность вклада некоторых авторов. Во многих случаях были найдены решения, которые компенсировали неизбежные потери при переводе.

Примечания

- 1 *Bulgakov M. Cuore di cane, ovvero Endocrinologia della N.E.P. / trad. di M. Olsoufieva, C. Spano De Cet. Bari: De Donato, 1967¹, 1967². Издательство De Donato было основано в 1947 году в городе Бари. Во второй половине 60-х–начале 70-х годов в серии Rapporti («Отношения») оно опубликовало ряд переводов из русско-советской литературы, а также некоторые работы русских формалистов о прозе. Издательство закрылось в 1989 году [Di Bari; Pavan: 7–8].*
- 2 *Булгаков М. А. Собачье сердце // Грани (Франкфурт-на-Майне). 1968. № 69. С. 3–85; Булгаков М. А. Собачье сердце // Студент. Журнал авангарда советской литературы (Лондон). 1968. № 9/10. С. 3–93. Публикация в СССР, как известно, состоялась только через 20 лет, в эпоху перестройки: Булгаков М. А. Собачье сердце / предисл. В. Лакшина, подготовка текста и послесл. М. О. Чудаковой // Знамя. 1987. № 6. С. 76–135.*
- 3 Неустанной деятельности Марии Олсуфьевой (1907–1988), дочери московского графа Василия Алексеевича, эмигрировавшего с семьей во Флоренцию после революции [Талалай 1998, 2003; Pavan: 7; Di Bari: 27–28], мы обязаны переводом на итальянский язык многих произведений русской литературы XX века (А. Белого, А. Блока, О. Мандельштама, Б. Пастернака, В. Дудинцева, В. Шкловского, Б. Окуджавы, Э. Кузнецова, А. Солженицына и др.). Талантливейшая переводчица часто выступала в качестве посредника между итальянскими издательствами и русскими писателями (или их ближайшими родственниками). Тем не менее неизвестно, какую роль она сыграла в истории с «Собачьим сердцем». Как рукопись повести попала в издательство *De Donato*, до сих пор остается загадкой. Известно также, получило ли оно эксклюзивное право на публикацию. В примечании издателя, помещенном в конце перевода, содержится лишь смутный намек на источник текста. Речь там идет о рукописи, которая «...затонула в одной государственной библиотеке (булгаковский архив при Библиотеке имени Ленина в Москве), но оттуда недавно всплыла через тайную пробойну. Большое количество машинописных копий, добравшихся до Запада, свидетельствует, пожалуй, о широком подпольном распространении рукописи в СССР». *Bulgakov M. Cuore di cane, ovvero Endocrinologia della N.E.P. Bari: De Donato, 1967². p. 155.*
- 4 *Bulgakov M. A. Il maestro e Margherita. Cristo. Pilato. Giuda. Satana. Mosca anni trenta / trad. di M. Olsoufieva. Bari: De Donato, 1967; Bulgakov M. A. Uova fatali e altri racconti / trad. di M. Olsoufieva. Bari: De Donato, 1967. Как известно, впервые роман «Мастер и Маргарита» был опубликован с купюрами в 1966–1967 годах в журнале «Москва»*

и сразу же в западных русскоязычных издательствах «ИМКА-Пресс» (по журнальному тексту) и «Посев» (полностью). О сложных обстоятельствах, в которых итальянским издательствам *Einaudi* и *De Donato* удалось опубликовать бесцензурную версию романа см. в статье М. Мишуровской в настоящем сборнике.

5 *Bulgakov M.* Cuore di cane, ovvero Endocrinologia della N.E.P. (в настоящей работе текст цитируется по изданию 1967²): *Bulgakov M.* Cuore di cane, ovvero Endocrinologia della N.E.P. / trad. di M. Olsoufieva, C. Spano De Cet. Bari: De Donato, 1967²).

6 *Bulgakov M.* Racconti / trad. di C. Coisson, V. Dridso. Torino: Einaudi, 1970 (в настоящей работе текст цитируется по изданию *Bulgakov M.* Cuore di cane e altri racconti / trad. di C. Coisson, S. Leone, V. Dridzo, comm. di M. Martini. Torino: Einaudi, 2001).

7 *Bulgakov M.* Cuore di cane / trad. di V. Melander. Roma: Newton Compton, 1975 (в настоящей работе текст цитируется по изданию *Bulgakov M.* A. Cuore di Cane. Diavoleide. Uova Fatali / intr. di F. Malcovati, trad. di V. Melander, C. Spano, A. Ferrari. Roma: Newton Compton, 1997).

8 *Bulgakov M.* Cuore di cane. La storia di un uomo-cane nella Mosca del 1925 / intr. di A. M. Ripellino, trad. di G. Crino. Milano: Rizzoli, 1975.

9 *Bulgakov M.* A. Uova Fatali. Cuore di Cane / intr. di G. Buttafava, prefaz. di F. Malcovati, trad. di E. Guercetti. Milano: Garzanti, 1990 (в настоящей работе текст цитируется по изданию 2007⁷).

10 *Bulgakov M.* A. Cuore di cane // *Bulgakov M.A.* Racconti / a cura di G. Spindel, trad. di N. Cicognini. 2 voll. vol. I. Milano: Mondadori, 1993. pp. 477–605.

11 *Bulgakov M.* Cuore di Cane. Uova Fatali / trad. di S. Prina. Milano: Feltrinelli, 2011.

12 Интерес широкого круга читателей, а также специалистов к творчеству Булгакова в Италии начинает развиваться с 1930-х годов: к этому времени относятся переводы на русский язык нескольких глав романа «Белая гвардия» (*M. Bulgakov.* La guardia bianca. Romanzo / trad. dal russo e intr. di E. Lo Gatto. Roma: Anonima romana editoriale, 1930) и повести «Роковые яйца» (*M.A. Bulgacof.* Le uova fatali. Romanzo / trad. dall'originale russo di U. Barbaro e L. Uspienscaia. Lanciano: Carabba, 1931).

13 Текст сценария был также опубликован издательством *De Donato* за несколько месяцев до выхода фильма: *Bulgakov M.* Cuore di cane. Il romanzo. La sceneggiatura di Alberto Lattuada / comm. di L. Lombardo Radice. Bari: De Donato, 1975.

14 Здесь и далее текст повести цитируется по изданию: *Булгаков М. А.* Собачье сердце. Чудовищная история // Булгаков М. А. Собр. соч. В 5 т. Т. 2. М.: Худож. лит., 1989. С. 119–208.

15 *Bulgakov M.* *Suore di cane*. Il romanzo. La sceneggiatura di Alberto Lattuada / p. 168. Экранизация Латтуады основана на переводе Марии Ольсуфьевой; ее имя стоит на издании сценария 1975 года. Здесь надо подчеркнуть, что образ бездомного пса/люмпена у Латтуады отсылает к итальянской общественно-политической ситуации 1970-х годов (конфликт между «пролетариатом» и «буржуазией»). Интересно также отметить, что в русском языке собачья кличка «Бобик», как и «Шарик», одна из самых распространенных для дворового пса.

16 Здесь следует учитывать и другое, устаревшее, значение слова «прелестный», т. е. «обольщающий, прельщающий» [БАС: IXX, 646; Виноградов: 182–183]). Оно вполне соответствует представлению профессора Преображенского о влиянии Швондера на Шарикова.

Литература

БАС. Большой академический словарь русского языка / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед. / ред. Л. И. Балахонова. М.; СПб.: Наука, 2004.

Виноградов В. В. Язык Пушкина. Пушкин и история русского литературного языка. М.; Л.: Academia, 1935.

Талалай М. Г. Олсуфьевы в эмиграции // Из глубины времен. 1998. № 10. С. 275–280.

Талалай М. Г. Читают и будут читать. Наследие Марии Олсуфьевой // Слово. 2003. № 2. С. 22–24 // URL: http://www.hrono.ru/slovo/2003_02/talalai02_03.html (дата обращения: 03.11.2018).

Тишкина И. К вопросу об изучении языковой личности персонажа // Slavica quinqueecclesiensia. 1998–1999. № 4. С. 219–226.

Тюрина Е. А. Повесть М. А. Булгакова «Собачье сердце». ЭDITIONНО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ. М.: Компания Спутник+, 2007.

Тюрина Е. А. О текстологических принципах подготовки академического собрания сочинений М. А. Булгакова на примере повести «Собачье сердце» // Текстология и историко-литературный процесс: I Международная конференция молодых исследователей (Москва, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова, филологический факультет, 16–17 февраля 2012 г.) / ред.: Л. А. Новицкас, А. Н. Першкина, П. Ф. Успенский. М.: Лидер, 2013. С. 169–180.

Фокина О. И. Фразеологические единицы в оригинале и переводе художественного текста на итальянский язык (на материале повести

М. Булгакова «Собачье сердце») // Русский язык: система и функционирование (к 80-летию профессора П. П. Шубы): материалы III Междунар. науч. конф., Минск, 6–7 апр. 2006 г. В 2 ч. / редкол. И. С. Ровдо (отв. ред.) и др. Минск: РИВШ, 2006. Ч. 1. С. 322–324 // URL: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/26209> (дата обращения: 23.04.2019).

Di Bari L. I meridiani. La casa editrice De Donato tra storia e memoria. Bari: Edizioni Dedalo, 2012.

Mauri P. Venti atletiche flessioni davanti a Montale // La Repubblica. 2003. 29 marzo // URL: <https://ricerca.repubblica.it/repubblica/archivio/repubblica/2003/03/29/venti-atletiche-flessioni-davanti-montale.html> (дата обращения: 04.05.2019).

Pavan S. Le carte di Marija Olsuf'eva nell'Archivio contemporaneo Gabinetto G.P. Vieusseux. Roma: Edizioni di storia e letteratura — Firenze: Università degli studi, 2002.

Treccani. Vocabolario on line. Istituto dell'Enciclopedia Italiana // URL: <http://www.treccani.it/vocabolario/pallino>; <http://www.treccani.it/vocabolario/pinco1> (дата обращения: 21.04.2019).

VFC. Il Vocabolario del Fiorentino Contemporaneo. Accademia della Crusca 2008–2018 // URL: <http://www.vocabolariofiorentino.it/lemma/pallino/3369> (дата обращения: 21.04.2019).